

АЛЕН

Его первые усилия были направлены прежде всего на оценку речевых оборотов. Логика «да» и «нет», единичного и целого, возможного и необходимого является, вероятно, тем, что в наибольшей степени удивило людей, когда они вновь засели за учебу. Эта логика осталась той же. Он же, придав ей форму, почти не пользовался ею. При рассмотрении любых вопросов он всегда оставался озабоченным проблемой индивидуального и его примеров, а также тем, что обо всем этом мог бы подумать здравомыслящий человек. Так, в своих этических сочинениях он

* Очередное эссе из книги французского философа Алена (Эмиль-Огюст Шартье, 1868–1951) «Краткий курс для слепых. Портреты и доктрины древних и современных философов» (см. также: Ален. Рассуждения об эстетике. Н. Новгород, 1996; Ален. Суждения. М., 2000). Начало см. в № 6–9, 12.

прежде всего рассуждает о каждой добродетели, опираясь на конкретные жизненные примеры и на общественное мнение как человек, в достаточной степени уверенный в своей правоте, — возможно, потому, что, дабы не опасаться ловушек, которые расставляют получаемые удовольствия и похвалы, он овладел логикой. Таким образом, он в определенной степени являлся Сократом-платоником, который в большей степени размышляет о своей земной природе, будучи при этом не слишком добродетельным и спасая то, что он еще мог спасти. Конечно же, он был в меньшей степени моралистом, чем натуралистом. Зато в этом он достиг максимальных глубин.

Возведя сперва весь функционирующий механизм как целостное сооружение, он дал определение материи и обозначил ее границы; провозгласил недостаточность формы и заявил, что движение не может быть объяснено ни при помощи одной, ни посредством другой. Эту грандиозную критику, дополненную туманными спекуляциями о времени и пространстве, часто принимают за центральную часть учения Аристотеля. Однако центр его отнюдь не здесь. Он пребывает в его учении о душе и развитии. В таких произведениях искусства, как статуя или здание, переход от материи к форме осуществляется посредством движения и трансцендирующей идеи, но в то же время принцип изменения носит характер внешнего по отношению к вещи, и, по правде говоря, все является внешним и чуждым по отношению ко всему. Это изменение представляет собой лишь абстрактную возможность; истинная же возможность для каждого существа состоит в том, на что оно способно. «Искусство является принципом, находящимся вне вещи; природа является принципом, пребывающим в самой вещи.» Таким образом, движение есть лишь видимость, а подлинное изменение представляет собой движение от свернутого к развернутому, как это происходит в душе, когда она пробуждается и вспоминает; подлинное становление есть «переход от возможности к действию». Все представляет собой жизнь и душу. Душа ничего не получает извне; в возможности же она является любой вещью.

Душа практически не изменяется; она пробуждается и развертывает мир — мир истинный. Ибо тот вовсе не ограничивается монадами, лишенными окон⁵. В соответствии с этим принципом, который состоит в том, что существующее в возможности уже существует и в действии, любая возможность и любая душа живут и развиваются благодаря некоей определившейся душе и чистому действию. «Бог представляет собой абсолютную мысль; а абсолютная мысль представляет собой мысль о мысли.» В этом заключен предмет рассуждений всей метафизики; скверно то, что краткое ее изложение делает ее чем-то излишне завершенным. У Аристотеля же именно детали обладают содержательным богатством и являются источником, питающим мысль. Он всегда рассматривает — и его высказывания не лишены красоты, красоты насыщенной и мощной, — развитие внутренней природы каждого как его истинную модель и подлинную добродетель — на зависть тем душам, которые лишены естественности. Это язычник, в глубине своей пребывающий вне морали. Что выражено вполне определенно, несмотря на все восхищение схоластиков. У этого теологического платонизма была лишь одна жизнь. Однако Платон, душа душ, продолжает свои странствия.

Примечания

¹ Общепринятое и широко известное изложение мысли Аристотеля, давно уже превратившееся в крылатое выражение, в известном смысле «шлягеризирует» последнюю. Дело в том, что в этом выражении, распространившемся первоначально в латинском варианте, используется слово «amicus», которое в этом мертвом языке используется не только как существительное (друг, приятель), но и как прилагательное (дружеский, благоприятный, *дорогой* и т.д.). При его переводе (как видно, на все европейские — и, вероятно, не только — языки) «выбор пал» не на прилагательное «дорогой», действительно употребленное Аристотелем, а на омонимическое существительное. Кроме того, в тексте Аристотеля имя Платона вообще не упоминается, однако в латинском выражении «адресат» был обозначен с предельной точностью. Наконец, автор «Никомаховой этики», как бы оправдывая свою дотошность и желание (как он подозревал, способное вызвать чье-либо осуждение) провести «изыскание» по вопросу об идеях, кото-

рые, как его современникам было хорошо известно, ввели некие «близкие [греческому философу] люди», писал в этом своем труде: «...лучше — во всяком случае, это [наш] долг — ради спасения истины отказаться даже от *дорогого* и близкого, особенно если мы философы. Ведь хотя и то и другое *дорого*, долг благочестия — истину чтить выше» (I, 4, 1096а; курсив мой. — К. А.). И теперь становится понятно, что подразумеваемый в этом фрагменте Платон конечно же *дорог* его великому ученику, но истина для него, безусловно, *дороже*.

В то же время следует напомнить, что высказывание Аристотеля в свою очередь является парафразом не слишком известного замечания Сократа, которое было включено Платоном в рассказ Федона о последних часах жизни их великого учителя: «А вы послушайте меня и меньше думайте о Сократе, но главным образом — об истине...» («Федон», 91b–c), — посоветовал своим внимательным слушателям мудрец, в полном сознании и в высшей степени сознательно уходящий в эти минуты из жизни.

² Вероятнее всего, в данном случае речь должна была бы идти не об Аристотеле, а о Диогене, который как раз и говорил, что «Платон отличается не красноречием, а пусторечием...» (Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М., 1979. С. 241.)

³ Естественно, имеется в виду идея как фундаментальное понятие философии Платона.

⁴ Каллий, «красавец Каллий» (Платон. Собр. соч. Т. 1. М., 1990. С. 477) — носитель этого имени, богатейший афинянин, который «извел много денег» на обучение у софистов, «слывет теперь мудрецом» (там же. С. 623) и в доме которого останавливался и беседовал с Сократом Протагор, упоминается в нескольких диалогах Платона («Апология Сократа», «Протагор» и др.).

⁵ Очевидно, намек на монады Лейбница.

*Перевод и примечания доктора философских наук
К.З. Акопяна.*